

Studia Culturae: Вып. 4 (46): Биографические ландшафты и места памяти: А.И. Резвухина (Мл.) С. 186-202.

А.И РЕЗВУХИНА (МЛ.)

*магистр культурологии,
научный сотрудник
Центр биографических исследований АИПА*

УДК 712

ИЗОБРЕТАЯ ПРОШЛОЕ: ЛАНДШАФТ КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Человеческая жизнь задана в определённых координатах времени и пространства. То, к какому времени мы принадлежим, какие исторические события вмещает в себя наша биография, в каких местах и городах проходят значимые вехи нашей жизни и ключевые встречи с другими, какой жизненный путь мы проходим, влияет на то, кто мы такие, на нашу идентичность в целом. Но если неумолимое движение времени и изменения в нём для нас большей частью очевидны, то взаимодействие с пространством вокруг зачастую происходит в бессознательном режиме, автоматически. Пространство, в противовес изменчивому, утекающему сквозь пальцы времени, кажется нам постоянным и неизменным. Оно может изменяться в деталях, но в целом – это константа, с которой тесно взаимосвязано человеческое существование. Человек укоренён в пространстве, он осваивает его с самых начал своей жизни и с каждым шагом по земле приобретает всё больше пространственного опыта, который вплетается в фундамент его личности. Осваивая мир и расширяя для себя его горизонты – чисто в пространственном смысле – мы в том числе расширяем границы своего мировоззрения и выстраиваем собственную идентичность.

Эта статья откликается на современную ситуацию, когда человек всё явственнее ощущает, что в рамках нарастающей мобильности и «сжатия» пространства в глобальном мире привычная укоренённость сменяется кочеванием, номадностью. Белых мест на карте и недоступных пределов не осталось, а темпы современной жизни диктуют условия не только повышенной скорости (интенсификация времени), но и мобильности (интенсификация пространства), вынуждая сменять один жизненный ландшафт на другой. Пространственная идентичность, которая ранее выстраивалась фактически «сама собой», подспудно, в рамках повседневного опыта и традиции, теперь нуждается в дополнительном содействии со стороны личности. Потому актуальны вопросы о том, что в целом представляет собой пространствен-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Топология культурной памяти в диалоге поколений» № 19-011-00775 А.

ный опыт, как он переживается человеком, как пространственный опыт объединяет людей в определенные группы и ретранслируется во временной перспективе, какие возможности и угрозы несёт в себе ситуация глобального кочевания. Что такое «чувство места»? Какую роль играют в нашей биографии места и ландшафты? А главное – какая модель обретения пространственного опыта актуальна сейчас?

Ключевые слова: ландшафт, культурный ландшафт, биографический ландшафт, места памяти, пространственный опыт, пространственная идентичность, конструирование идентичности, культурная память, Калининград.

A.I. REZVUKHINA (JR.)

M.A. (Cultural Studies)

Researcher

Biography Research Centre AITIA

INVENTION OF THE PAST: LANDSCAPE AS A WAY OF IDENTITY CONSTRUCTING

Human life is defined in coordinates of time and space. What time we belong to, what historical events our biography contains, what places and cities become significant milestones of our life and where key meetings with others take place, what life path we go through – it all affects who we are, our identity as a whole. However, if the relentless march of time and its changes are to us mostly obvious, then interaction with the space around us often occurs in an unconscious mode, almost automatically. Space, in contrast to the changeable, flowing through the fingers time, seems to us constant and unchangeable. A person is “rooted” in space from the very beginning of its life and with each step on the earth acquires more and more spatial experience, which is interwoven into the foundation of its personality. By exploring the world and expanding its horizons – in the spatial sense – we also expand the boundaries of our worldview and build our own identity.

This article responds to the current situation when a person feels more and more clearly that within the framework of increasing mobility and “compression” of space in the global world, the usual rootedness is replaced by nomadism. There are no more white spots on the map and inaccessible edges of the world, and the pace of modern life dictates not only increased speed (time intensification), but also increased mobility (space intensification), forcing us to change one biographical landscape after another. Spatial identity, which was previously built up virtually “by itself”, implicitly, within the framework of everyday experience and tradition, now needs additional assistance from the person. Therefore, questions are relevant about what spatial experience is in general, how it is experienced by a person, how spatial experience unites people into certain groups and is relayed in a time perspective, what opportunities and threats the situation of global nomadism brings. What is a “sense of place”? What role do places and landscapes play in our biography? Moreover, what model of spatial experience is relevant now?

Keywords: landscape, cultural landscape, biographical landscape, places of memory, spatial experience, spatial identity, identity constructing, culture memory, Kaliningrad.

Человек обнаруживает себя размещённым на пересечении оси времени и оси пространства. Пока человек существует, он непреложно существует в определенное время и в определенном месте, его жизни соответствует конкретное «*когда*» и конкретное «*где*». Наша жизнь задаётся в координатах времени и пространства, они выступают в качестве фундаментальных характеристик, основных категорий бытия. Мы определяем для себя эти координаты посредством освоения, приближения к себе, через очерчивание «своего» мира, времени и пространства. Осваивая мир, вбирая его в своё «Я», последовательно выстраивая собственное представление о мире и себе самом в нём, человек устанавливает соотношения между собой и разными точками на этих осях – здесь и сейчас, близко и скоро, далеко и давно. Немаловажным моментом установления собственной картины мира, своего времени-пространства является противоположение условным «мирам» других людей, другим или даже чужим временам и местам.

Но по мере подобного процесса приближения и отдаления от себя разных времён и пространств, их принятия и отрицания, очевидным становится не только различие между «Я» и другими людьми, но и определённое единство и близость с ними. Мы противопоставляем себя другим возрастным группам (извечная тема «отцов и детей») и столкновений разных времён), люди из других континентов, стран, областей, городов для нас поначалу всегда – незнакомцы, чужаки, так как они с чужбины, принадлежат к другому пространству. Вместе с тем находятся те, с кем наши координаты времени и пространства не просто пересекаются, но и во многом совпадают, и тогда к одинокому «Я», противостоящему незнакомым и чужим «они», присоединяется «мы». Так или иначе, можно говорить о том, что выстраивание цельного «Я», идентичности человека в процессе освоения мира происходит по формуле «принадлежности к» – как в положительном (принятие, приближение, сходство), так и в отрицательном (отвержение, отдаление, различие) аспектах.

Применительно к категориям времени и пространства, следует выделить такие единицы идентификации, как, соответственно, поколение и землячество. Поколение указывает на принадлежность к определённому времени, включённость индивидуальной человеческой жизни в канву событий, опыт которых разделяем с другими современниками внутри одного поколения, и этот опыт – схож, пусть и не полностью идентичен. Этот момент принципиален; недостаточно быть свидетелями одного и того же события, чтобы быть представителями одного поколения, это должен быть максимально подобный опыт (так, человек, переживший войну во взрос-

лом возрасте и так называемые «дети войны», пережившие её в детстве, фактически, свидетели одного и того же события, но опыт его проживания кардинально различен). Землячество же указывает на принадлежность к определённому пространству, месту, территории. Оно воплощается в таких понятиях, как Отечество, Родина или «малая родина», «родные места / края», в формулировке «я родом из...».

В данной статье мы остановимся подробнее именно на землячестве, или, иными словами, построении идентичности посредством нахождения себя в пространстве и выстраивания отношения к нему, построения взаимных связей. Окончательно уйти от поколенческой перспективы и игнорировать её, сосредоточившись лишь на пространственной категории, однако, невозможно, и это следует иметь в виду: время и пространство связаны слишком плотно и тесно, неразрывно. Пространство вмещает и воплощает в себе время, а время, в свою очередь, приводит пространство в движение, придаёт динамику, изменяет его. Поэтому даже в разговоре, который фокусируется на переживании пространства, необходимо учитывать, что человек всегда принадлежит не только определённым местам, но и относится к определённому поколению, и опыт конкретного поколения и времени оставляет отпечаток, в том числе, и на его опыте проживания-переживания пространства.

Землячество – это «мы»-группа в отношении пространства, определенный опыт совместного бытия (со-бытия) в едином пространстве. Чтобы осознать себя, понять, кто же он, человек соотносит себя с этим пространством, выстраивает связи, переживает его, и затем, находя схожий опыт переживания конкретного пространства у других, соотносит себя уже с определенной группой людей. Общий разделяемый опыт – основа единства «мы»-группы; каждый её член одновременно подкрепляет своим индивидуальным опытом – опыт общий, и вместе с тем ориентируется на общие черты и нормы, выводимые и воспринимаемые как нечто типовое, характерное для группы, сопоставляет с собой и усваивает. Так совпадения в опыте, обнаруживаемые на уровне индивидуальном и на уровне группы, становятся маркерами принадлежности, способствуют дальнейшему построению и формулированию собственной идентичности. В конкретном случае выстраивания идентичности на основе разделяемого пространственного опыта, это могут быть такие формулировки, как «я – горожанин / москвич, петербуржец, пермяк» или «мы – земляки, сибиряки, уральцы», или с привязкой к ландшафту «я – человек моря / гор».

Итак, жизнь человека топологична, включена в пространство: его биография всегда связана с местами, в некотором смысле даже «завязана» на них, словно на узелках памяти, «точках (пере)сохранения». Мы разделя-

ем этот пространственный опыт с другими людьми, проживающими в одних с нами местах. Но как сформулировать, что вообще представляет собой этот «пространственный опыт», его содержание? Какой именно опыт мы совместно переживаем, чтобы утверждать своё единство с кем-либо на основании сопостранственности? Что это такое – «переживание места»?

Трудно определить, какой из аспектов является ключевым или ведущим для пространственного опыта: приоритетно ли географическое положение, сопряженные с ним особенности климата, флоры и фауны, или природные особенности вмещающего ландшафта, архитектурный ансамбль места, разметка обжитого пространства достопримечательностями, памятниками и памятными досками, а также другими маркерами культурной памяти, официальными и народно-стихийными, или собственные автобиографические моменты отдельного человека, сопряжённые с конкретным местом, семейная история, «корни»? В отличие от определения причастности ко времени, где довольно просто даётся мыслительная раскладка на прошлое, настоящее и будущее, опыт пространства труднее проанализировать и артикулировать, так как он в принципе более телесен, это прежде всего не мыслительное, а чувственное переживание.

Какое-либо место, будь то ландшафт природный или сельский / городской, мы видим и наблюдаем, мы его слышим, чувствуем запахи, осязаем – даже при минимальном тактильном контакте с окружением, мы ощущаем неровности дороги и особенности её покрытия, траектории, ощущаем разность масштаба по сравнению с небоскрёбами или морем / горами, проникаемся жалостью к разрушению и запустению, испытываем любопытство к новому, неизведанному, доселе скрытым деталям, скуку – от однотипного, приевшегося, восторг и восхищение – по отношению к прекрасному, величественному. Помимо таких чувств, импульс к которым пробуждается за счёт внешнего стимула, в пространственном опыте раскрываются чувства, исходящие изнутри, от внутреннего стимула, когда пребывание в каком-то месте и проживание в нём вызывает воспоминания или настраивает на определенные размышления, влияя на их тематику, темп и интенсивность, саму форму мысли.

В пространственном опыте соединяется множество моментов: реакция органов чувств, личные воспоминания, воображение, рефлексия над особенностями места, его историей: что здесь было и что происходило, что осталось, что останется потом, что будет на этом месте в будущем? Индивидуальный пространственный опыт влияет на образование топофильных и топофобных мест, или же, соответственно, мест, к которым мы возвращаемся и которых избегаем [1; С. 23, а также 2; С. 29 и 6; С. 340]. На коллективном уровне такая градация также присутствует, так, заброшенные здания, пустыри, места или здания с «плохой историей» избегаются боль-

шинством и потому зачастую становятся прибежищем для маргинальных групп, а коллективные «излюбленные» места отличаются повышенным скоплением людей, динамичностью и интенсивностью их пребывания в данном пространстве, такие места привлекают внимание приезжих, которым только предстоит знакомство и освоение пространства, становятся «лицом», «визитной карточкой» местности или города.

Здесь следует упомянуть, что, несмотря на топологичность человеческого существования, опыт переживания места может быть иногда крайне слабым, неинтенсивным, поверхностным. В особенности это касается повседневного, рутинного жизненного опыта, такого как поездка в метро или на другом общественном транспорте, а также посещение торговых центров, магазинов, аэропортов, вокзалов. Последние являются так называемыми «не-местами» [8; С. 102-104] – это настолько унифицированные, обезличенные пространства, что они дают исключительно слабый и поверхностный импульс для органов чувств и сознания человека, они специально спроектированы и устроены максимально функционально (в ущерб содержательности), чтобы оптимизировать пребывание человека внутри них. Поверхностное отношение человека и пространства в повседневных маршрутах можно обозначить как смену череды мест на автопилоте – человек не считывает особенности проходимых по пути мест, может даже не помнить детали и удерживать маршрут в голове лишь схематично, в общих чертах, настолько эта рутинная для него автоматизирована, неосознаваема, как бы «выключена» из активного наблюдения и переживания. Так часто происходит с перемещениями в пространстве по типу «дом – работа – дом», например.

Однако в целом уже очевидно, что опыт переживания места, вне зависимости от степени интенсивности – крайне индивидуален. Более того, разные места – это разный опыт, даже для одного и того же человека. При подобном многообразии и вариативности индивидуального пространственного опыта, может возникнуть сомнение насчёт объективной возможности такой степени подобия этого опыта у разных людей, которое позволило бы объединить их в группу на основании уже некоего общего, коллективного пространственного опыта. На помощь в разрешении этого сомнения приходит само пространство как объединяющая структура, фактор единства. Действительно, пространственный опыт прежде всего индивидуален и разнится от пространства к пространству, зависит от восприятия субъекта. Но за счёт выделения в качестве объекта переживания конкретного места, ландшафта, вмещающего определенное количество людей, возможно получить выборку пространственного опыта разных лиц по отношению к одному и тому же объекту.

Место – коллективно, открыто восприятию, вмещает и включает большое количество людей и их частных историй. Оно само по себе является основанием для соприкосновения общего и частного, коллективного и индивидуального, группы и отдельного человека. Наиболее значимые моменты из общего опыта группы – преимущественно исторические события, связанные с ними персоналии и т.п. – дополнительно закрепляются в пространстве для сохранения и дальнейшей трансляции культурной памяти, обычно в форме памятников, памятных досок, мемориальных комплексов. Эти фиксированные символы призваны наглядно артикулировать опыт, пережитый группой, дать дополнительный и легко считываемый контекст пространству, с которым этот опыт сопряжен. Они выступают в качестве своеобразного монументального и пространственного архива, «подсказки», это та часть коллективного пространственного опыта, которая выделена как особо значимая и потому продублирована – содержится не только в культурной памяти как таковой, но и подчёркнута в специально сооружённых материальных носителях.

Поэтому современные ландшафты так плотно расчерчены памятниками, музеями и всем тем, что Пьер Нора называл «местами памяти» [7; С. 17]. Эти фигуры культурной памяти, размещенные в пространстве, организуют его, акцентируют внимание, направляют и поощряют индивидуальный опыт переживания места, транслируют определённые смыслы и принимают в себя новые, привносимые частными биографиями и индивидуальными историями, затрагивающими закреплённое за тем или иным «местом памяти» пространство. Так происходит встреча частного и общего, индивидуальной и коллективной памяти. За частным мимолётным эпизодом: «Мы встретились с давним другом у Медного всадника» – тянется шлейф дополнительных смыслов, значений и ассоциаций, которые углубляют индивидуальный опыт, помещают его в более широкую временную и историческую перспективу.

Стало быть, встреча частного и коллективного в рамках пространственного опыта не только возможна, но и обусловлена самим пространством. Между этими сферами проходит интенсивный процесс обмена, взаимного обогащения и влияния. Насколько влияет индивидуальный опыт переживания места, который, как указывалось ранее, чрезвычайно важен, на коллективный, и наоборот? В каком соотношении они находятся? Мнения на этот счёт кардинально различны. Обозначим две крайности – с одной стороны, географический детерминизм и схожие с ним позиции, постулирующие географию и историю места как факторы, которые полностью определяют человеческую жизнь и культуру человеческого общества, с другой стороны, пространственный релятивизм, позиция исключительной конструируемости пространства, которое легко (пе-

ре)собирается, поддается разного рода манипуляциям, выступает пустой, «полой» формой для любого привносимого содержания.

Не претендуя на разрешение данного вопроса в рамках данной статьи, рискнем предположить, что истина, как это часто бывает, кроется где-то посередине между этими двумя крайностями. Конечно, та или иная культура зависит от места своего развития (к чему пришлось изначально приспособливаться культуре – к какой природной данности), но и само место претерпевает значительные изменения, в том числе на материальном уровне, а также активно осмысливается человеком, наделяется новыми значениями.

Сильное взаимное влияние особенно очевидно, например, при рассмотрении феномена «гения места». Эта поэтическая формулировка восходит к древнеримскому обозначению духа-покровителя места. В наше время под ней принято понимать, в большинстве случаев, личность, воздействие которой на место, с которым была сопряжена её жизнь и творческая (политическая, духовная, религиозная и т.д.) деятельность, оказалось настолько велико, что стало решающим, преобладающим: скорее «гений места» формирует и организует, переосмысляет вмещающее пространство, нежели оно изначально формирует его личность [4; С. 154]. В случае «гения места» в отдельной личности, в частной биографии человека место обнаруживает принятие и понимание, находит своё наиболее содержательное, яркое и полное раскрытие и воплощение. Таким образом, «гений» предельно сонастроен месту. Можно сказать, его пространственный опыт по отношению к нему чрезвычайно интенсивен. «Гении места» творческих профессий, художники и писатели, способны также этот интенсивный индивидуальный опыт артикулировать, придать ему форму произведения искусства, и, тем самым, передать другим. В связи с этим мы можем вспомнить о Париже В. Гюго, Петербурге Ф.М. Достоевского, Лондоне Ч. Диккенса.

«Сонастроенность» месту или ландшафту может выражаться и в обрательной тенденции – когда не жизнь и творчество человека влияют на пространство и изменяют его, подчиняют себе, а сама мыслительная деятельность человека подчиняется месту, в которое «вмещена», следует особенностям окружающего пространства. Об этом пишет, например, В.А. Подорога в «Метафизике ландшафта» [9]. Место, вмещающее нас и нашу мысль, влияет на темп, динамику, направление мышления, на подбор слов и выражений, даже на выбор тем для размышления. Движение письма, выбор стилистической формы, направленность философствования зависят от окружающего ландшафта: мы находим восхождение, вздымание (горы) у М. Хайдеггера, и широту, бескрайность, отсутствие чётких границ

(степь, равнина) в русской философской мысли. Пространство организует не только наш повседневно-материальный быт, но и наши мысли. Этот принцип также нашел выражение в методе запоминания «Дворец Памяти», по-другому называемом методом локусов, когда знания и воспоминания мыслительным усилием буквально «размещаются» внутри ментально выстроенной человеком в своем сознании пространственной структуре.

Резюмируя, остановимся на следующих пунктах: влияние пространства на человека и человека на пространство – обоюдно; пространство само по себе обуславливает встречу частного и коллективного пространственного опыта, является основанием для него; личный опыт подкрепляет и расширяет, делает вариативным общий пространственный опыт, который, в свою очередь, выступает в качестве нормы, ориентира, «рамки» для личного пространственного опыта, наоборот, сужает его. Так, в индивидуальной памяти мы удерживаем, сохраняем и воспроизводим общее с определенной группой прошлое, связывая его со своим личным переживанием или свидетельством. Но по мере того, как детали и яркость личных воспоминаний стираются, «выцветают», внешние разметки общего опыта становятся своеобразными «костылями» для памяти человека – уже не дополнительной, вспомогательной опорой, но основной, по которой можно восстановить прежний опыт. Маркеры времени и пространства выступают в качестве «точек восстановления» – будь то год или город – по ним мы можем легко сориентироваться во внутренних архивах своей памяти.

Так или иначе, «биография» места, с его историей и атмосферой, вплетается в биографию человека – и наоборот.

Как уже упоминалось, пространство влияет, в том числе, на те словоформы, в которые мы вкладываем свою мысль. Восхождение, погружение, возвращение, становление, отправная точка, распутье – в этих выражениях очевидна пространственная динамика, движение, обусловленное особым характером места, необходимостью взаимодействовать с ним тем или иным способом. Следует отметить, что и рассказ о своей биографии – это обычно описание жизненного *пути*, фактически рассказ о смене значимых мест. Можно сказать, что (авто)биография – это своеобразный путеводитель по жизни, или неспешное роуд-муви, фильм-путешествие. Или же акцент может быть сделан на раскрытие (авто)биографии через рассказ об одном значимом месте, которая стало ключевым для человека, сыграло решающую роль во всей его жизни, в котором он обрел себя – через рассказ о *доме*.

Так, проговаривая свой жизненный опыт как таковой, человек проговаривает его в том числе как опыт пространственный. «Дом» и «Путь» – ключевые категории для выражения топологичности человеческой жизни. Если в категории «Пути» раскрывается динамика жизненного опыта за

счёт перемещения в пространстве, смены значимых мест («откуда и куда», маршрут, движение), то в категории «Дома», напротив, акцент делается на укоренённости, взращенности человека местом, их сильной взаимосвязи и взаимообусловленности («где», точка на карте, статичность).

В современной ситуации глобального мира, а точнее – глобальной миграции и сверхинтенсивной мобильности населения – возможности переживания пространственного опыта и сам этот опыт проходят через стремительную трансформацию. К освоению, причём в кратчайшие сроки, человеку стал доступен весь мир. Он свободен в своём выборе места проживания, как никогда ранее. Но возросшая степень свободы неизменно накладывает на человека повышенный уровень ответственности. Да, многообразие выбора кружит голову, перед человеком открыты все части света, континенты и страны; для того, чтобы испытать «чувство места» [5] даже нет необходимости преодолевать языковой и культурный барьер, так как видеть, слышать, осязать, чувствовать мы можем в любой точке Земли одинаково. Но, в то же время, повышенная частота смены «ландшафтов жизни» приводит к потере глубины переживания пространственного опыта, его упрощению.

Человеческие возможности перемещения по оси пространства увеличились, но время, пока что, всё ещё остаётся астрономически строгим. Поэтому в современных реалиях для человека открыто всё земное пространство (и активно обсуждается возможность освоения в ближайшем будущем космического пространства, по крайней мере – близлежащих планет), но вместе с тем в сутках осталось столько же часов, то есть расширение возможностей произошло только на одной из осей, задающих рамки человеческого бытия. Между пространством и временем возникла диспропорция. И это несоответствие вызвало процесс трансформации пространственного опыта, сдвиги в самих его основаниях.

Конечно, наличие подобной диспропорции между пространством и временем – отнюдь не новость. «Расширение» мира происходило постепенно; одним из поворотных пунктов в этом направлении следует считать эпоху Великих географических открытий, которая резко сузила количество белых пятен на карте мира, а следом, в рамках представления о мире как об отлаженном механизме, свой вклад внесла механизация, функционализм, промышленная революция, развитие техники, в том числе транспортной техники, и её постоянное совершенствование вплоть до нашего времени. Человечество охватило земное пространство в его крайних пределах, а затем начало искусственно «сокращать» его расстояния с помощью технических средств. На самом деле, время также наращивает свой темп, хоть и не так драматично и стремительно, как расширилось и вместе с тем «сокра-

шалось» пространство для человека. В случае времени следует говорить скорее о «наступлении настоящего на все времена», когда настоящее вытесняет равно как прошлое, так и настоящее.

Однако, вернёмся к пространству как к основной теме этой статьи. Современность ставит перед нами ряд вопросов, которые требуют своего разрешения. Мир, с географической точки зрения, человеком «разгадан», он имеет доступ к любой точке Земли. Тем не менее лично пережить пространственный опыт такого масштаба, то есть Землю целиком, или же мир как целое – если не невозможно, то крайне затруднительно. Мир распадается на части в сознании человека, он эклектичен, необозрим. В нашем сознании пространство мира кое-как сшивается воедино на манер лоскутного одеяла: места, близкие нам и пережитые нами; места, которые мы посещали мельком, проездом; места, о которых мы слышали и о которых имеем некоторое представление; наконец, места, о которых мы просто знаем, что они есть.

У нас остается всё меньше времени для того, чтобы считать смыслы конкретного места, «прожить» его, потому как мы стремимся охватить как можно больше разных мест. Количественный фактор вытесняет качественный; глубокий пространственный опыт одного вмещающего ландшафта сменяется поверхностным опытом череды ландшафтов. Места «истончаются», их возможности в качестве посредников культурной памяти беднеют, так как без активного считывания посредством пространственного опыта не происходит и следующего витка обозначения, наделения новыми смыслами. Трансляция культурной памяти со временем ослабевает, например, значимые памятники одного поколения теряют свою актуальность и продолжают «жить» исключительно формально, связи между пространством и закрепленными, дополнительно подчёркнутыми и зафиксированными в нём смыслами расслаиваются. В столь жёстких условиях способно уцелеть только то, что эффектно, заметно, бросается в глаза.

Перенасыщенность информационных потоков, обрушивающихся на современного человека повсеместно, из всех возможных источников, приводит к тому, что в ответ мы наращиваем все более прочный защитный купол вокруг себя, притупляем собственное внимание, чтобы не испытывать ежедневных гиперперегрузок. Пробить этот «щит» извне трудно. Если нечто не манифестирует своё существование нарочито и демонстративно, то этого как будто бы и нет, оно для нас более не существует. Более того, это нечто, (место, например) должно быть максимально упрощенным для восприятия, легко схватываемым и «употребимым» – так как встречное *ушише* со стороны человека по считыванию смыслов почти отсутствует, именно ввиду усиленной блокировки смыслов навязываемых, не востребуемых.

В конечном итоге эти процессы приводят не только к эклектичности и фрагментированности, но и к типизации мест: памятники культуры и хранители культурной памяти стираются до достопримечательностей, значимые памятные места – до геотегов. Создается угроза того, что места и ландшафты как прибежища «чувства подлинного» постепенно превратятся в очередные не-места, функционально отвечающие за некий усредненный «потребительский» пространственный опыт. Ведь сложно говорить о том, что при современных быстрых темпах жизни и таких же быстрых сменах мест люди успевают действительно освоиться в новых местах, в лучшем случае, если не рассматривать вариант личностного усилия по освоению, а ориентироваться лишь на возможности сильных внешних стимулов от окружающей среды – набраться ряда разрозненных ярких впечатлений, которые послужат основой для пространственного опыта.

Так может, пространственная самоидентификация как таковая изжила себя, это рудиментарный способ конструирования идентичности для современного человека? И мы – свидетели становления а-пространственного, аспатиального человека, освободившегося от влияния пространства?

Обращаясь к выведенным нами ранее категориям, «Путь» в современном глобальном мире и стал «Домом». И это отнюдь не исключительно негативная тенденция, не указание вынужденной безродности, наоборот, она несёт в себе также множество новых возможностей и мощный потенциал для человеческой культуры. Суть проблемы состоит в том, что этот «Путь» всё более автоматизируется, исключается из сознательно переживаемого жизненного опыта, проходится на автопилоте. Что и приводит к истончению смыслового пласта мест, их ослабления как посредников культурной памяти. Вариативность, многообразие, доступность пространственного опыта, которыми располагает современный человек – это действительно положительные новые возможности, которым, однако, симптоматично сопутствуют обусловленные ими же опасности. Номадность людей XXI века – настолько же губительна, насколько перспективна.

В истории найдется не один пример переживания пространственно-го опыта в рамках вынужденной или добровольной номадности. С этой точки зрения можно рассмотреть феномен русской эмиграции как пример обживания новых и чуждых пространств в сжатые сроки, при сознательных попытках сохранить в активе памяти образы прежней, исходной культуры, в том числе природные и городские ландшафты вынужденно покинутой Родины. Вписывание своего «Я» в новый ландшафт происходило в том числе за счёт посильного переноса имеющегося пространственного опыта на новые пространства, нахождение точек соприкосновения, кото-

рые позволили бы наслоить новое переживание «чувства места» к другому, прерванному.

Другим примером, который можно было бы рассмотреть в качестве частной модели преодоления кризиса пространства, обусловленного современной ситуацией глобальной мобильности и миграции, является случай освоения Кёнигсберга, ныне Калининграда, советскими переселенцами после окончания Великой Отечественной войны.

После того как Кёнигсберг и Восточная Пруссия вошли в состав Советского Союза в 1946-ом году в качестве Кёнигсбергской (затем – Калининградской) области, этот регион рассматривался властями как свободная площадка для эксперимента в области искусственного выстраивания символического пласта пространства: Калининград должен был стать идеальным образцом социалистического города. Ставка была сделана на культурную чуждость и «несчитываемость» немецкого культурного кода, оставшегося в области на уровне архитектурных и материальных объектов, для советского населения; тем более, что остатки коренного немецкого населения были депортированы в период с 1945-ого по 1948-ой года, то есть должны были быть пресечены любые возможные каналы преемственности. Это означало, что прошлое Кёнигсберга и сама память о нем должны были быть стерты с лица земли и вычеркнуты из сознания новых жителей, приехавших из разных уголков СССР. Переселенцы были преимущественно из пострадавших от войны областей и боялись, что на новой территории долго задержаться не смогут (из-за слухов, что Германия выторгует Калининград обратно), что также не способствовало полноценному освоению этого пространства в его содержательном плане. По сути, Калининград задумывался как некая пустышка, болванка, которую можно перекрыть и переконструировать по своему усмотрению, наполнить любыми искомыми значениями.

Для Кёнигсберга это означало, на уровне материальном, что архитектурные и материальные объекты прошлого должны быть уничтожены: от города после ковровых бомбардировок и решительного штурма осталось и без того немного, уцелело всего около 1/10 всех зданий. Развалины утилизировались, город застраивался типовыми домами, неповрежденные дома лишались характерных деталей и теряли индивидуальность, обезличивались. Немецкие памятники, вывески, символы стремительно исчезали с улиц. На уровне символическом же подобная директива приняла вид решения советских властей замалчивать прошлое региона, игнорируя его с целью постепенного необратимого забвения и вытеснения [3; С. 177]. Так решение городских властей отсекло путь привычным путям сохранения и передачи культурной памяти. Эти меры должны были поспособствовать полной смысловой «расчистке» городского пространства, освободив его

для наполнения новыми, тщательно сконструированными значениями, которые работали бы на укрепление конкретного типа идентичности.

Однако жители советского Калининграда, не будучи укорененными в прежнем культурном поле региона и в ситуации фактического отсутствия достоверной информации о прошлом города, все же проявили к нему интерес. Вопреки созданным условиям «нечитаемости» и исходно враждебному, отчужденному отношению к городу как к не-своему, вражескому (каким представлялось немецкое в послевоенное время), лежащий в руинах ландшафт города активно исследовался и «переживался» новыми жителями. Недостаток преданного знания в этом случае не стал основой для исключительно поверхностного пространственного опыта или истончения символического пласта города вплоть до приравнивания к не-местам. Наоборот, эта неизвестность, неизведанность окружающего пространства инициировала момент любопытства, интерес, ситуацию первооткрытия [10; С. 46]. Самостоятельно и стихийно, через сочинение собственных локальных мифов, где крупницы достоверного знания смешивались с вымыслом, посредством коллекционирования видовых открыток, фотографий и картинок старого города и сопоставления с уцелевшими его фрагментами, собирания барельефов, бытовых мелочей и других осколков города происходило освоение ландшафта и отождествление с ним, и заодно – с новоиспеченными земляками. Кёнигсберг-Калининград из «вражеского, злого города» постепенно становился домом.

В сегодняшнем Калининграде мы наблюдаем более или менее успешную интеграцию немецкого наследия в символическое поле русского города – с некоторыми нюансами, вроде реверсивной ситуации с текущим вытеснением уже советского наследия из пространства. Современный городской бренд превалирующе опирается именно на «немецкую» сторону Калининграда, вплоть до того, что на фотографиях и открытках выбор ракурса и композиция в целом выстраиваются так, чтобы в кадр попали, например, только архитектурные памятники немецкого периода или современные здания а-ля немецкий стиль (мотив фахверка), а советская застройка осталась «за кадром». Но это уже тема другого разговора. Ключевой момент в том, что до Перестройки и получения более обширных и точных сведений о регионе, его образ поддерживался и наполнялся исключительно за счёт частного пространственного опыта, который, затем, способствовал интеграции жителей в единое землячество.

Используя этот пример в качестве возможной модели, мы прежде всего выделим в нём успешный путь выстраивания пространственного опыта в месте неизвестном, в котором человек даже не был изначально укоренён, через частные попытки интерпретировать и освоить, «одомаш-

нить» пространство в ситуации, когда человек «заброшен» в это пространство без всякой подготовки – это условия, схожие с вызовом глобальной миграции сегодня. Происходит переоткрытие пространства, или же изобретение прошлого. Главный ресурс при этом: воображение, любопытство, вопрошание «а что здесь было»? Внешний стимул ситуации первооткрытия должен быть подкреплён внутренним усилием человека, желанием проникнуть в тайну ландшафта, узнать и понять его. Благодаря этому формируется привычка к плотному взаимодействию биографии человека и города.

Таков пример из не слишком отдалённого прошлого. Что этот пример-модель может дать нам сейчас, в текущей ситуации? Исходя из всего вышеизложенного, нам кажется очевидным и не требующим дополнительного доказательства, что мы находимся на распутье. И намечаются две дальнейшие возможные стратегии: приучение к осознанному усилию для переживания пространственного опыта, «изобретения прошлого», пусть ошибочного, полуполюгендарного, не обладающего фактологическим характером, но зато имеющего персональную перспективу и обладающего подлинностью, или – выбор в пользу поверхностного пространственного опыта, множественного, но не дающего чувство подлинной укорененности, вмещенности бытия, функционализация пространства и автоматизация жизненного пути.

Вопрос о «выживании» культурных и жизненных ландшафтов как средоточия особого опыта, способствующего становлению идентичности, остается открытым. Какая тенденция окажется в итоге более значимой: функциональность или осознанность? Это покажет лишь время. Но, оглядываясь на опыт истории, разрешение ситуации видится скорее в положительном ключе. Ведь, помимо прочего, благодаря современным возможностям глобальной мобильности гораздо большее количество людей, в рамках своего жизненного пути-путешествия, могут обрести место, которое способствует раскрытию их личности, дополнит её, соединит их с некой общностью, и которое, в свою очередь, будет раскрыто и осмыслено ими заново посредством индивидуального, уникального пространственного опыта. Возможно, что трансформация пространственного опыта, о которой шла речь, повлечёт за собой не столько потерю «глубины» этого опыта, а скорее, его обогащение за счёт расширения возможностей переживания пространственного опыта до масштабов целой планеты. Тем более, что всё больший масштаб приобретает движение эко-активизма, экологической культуры, одним из постулатов которой является восприятие всей нашей планеты как общечеловеческого дома.

Однако, как уже подчёркивалось ранее, для того чтобы пережить и интегрировать в свою идентичность опыт ландшафта, необходимо усилие

восприятия, акт собирания пространства в единый образ, где центральная, исходная точка — сам человек. Пример Калининграда показывает, что именно человек-исследователь, а не человек-потребитель, способен открыть для себя ландшафт, понять его, по-настоящему увидеть. Но необходимо усилие; а от усилия, умственного и прочего, нас пытаются отучить культура повышенной функциональности и общество потребления.

В завершение хотелось бы выразить надежду, что, несмотря на обозначенные препятствия, находясь постоянно в «Пути», соприкасаясь с различными местами и сменяя их, люди будут находить и обретать свой «Дом». А места – обретать людей, созвучных им, сонастроенных, которые однажды вполне могут стать их «гениями».

ЛИТЕРАТУРА

1. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 376 с.
2. Гаврилина Л.М. Топофилия современной культуры и пространственный поворот в социально-гуманитарном знании // Обсерватория культуры. М.: Российская государственная библиотека, 2015. №2. С. 28-34.
3. Дементьев И.О. «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х - 1980-е годы) // ЛиГ. Исторический альманах. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. №6. С. 175-218.
4. Замятин Д.Н. Гений и место: ускользящая совместность // Общественные науки и современность. М.: НИУ ВШЭ, 2013. № 5. С. 154-165.
5. Казакова Г.М. Регион как пространство-время идентичности. Топохрон и хронотоп региональной идентичности // Культура культуры. М.: Издательство «Согласие», 2018. № 1 (17). URL: <http://cult-cult.ru/region-kak-prostranstvo-vremya-identichnosti-topohron-i-hronotop-regionalnoj-id/> (дата обращения 01.09.2020)
6. Лавренова О. А., Митин И. И. Топофилия [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. М.: Институт наследия, 2007. №4. С. 339-342.
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж. М.: Винок. СПб.: СПбГУ, 1999. 328 с.
8. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
9. Подорога В.А. Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX вв. М.: Наука, 1993. 317 с.
10. Сологубов А.М. Переселенец как Homo scientis: эпистемологический аспект освоения Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2012. №6. С. 39-46.

REFERENCES

1. Bashljar G. Izbrannoe: Pojetika prostranstva. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2004. 376 p.
2. Gavrulina L.M. Topofilija sovremennoj kul'tury i prostranstvennyj povorot v social'no-gumanitarnom znanii // Observatorija kul'tury. M.: Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka, 2015. №2. P. 28-34.
3. Dement'ev I.O. «Chto ja mogu znat'?»: formirovanie diskursov o proshlom Kaliningradskoj oblasti v sovetskij period (konec 1940-h - 1980-e gody) // LiT. Istoričeskij al'manah. M.: Institut vseobshhej istorii RAN, 2014. №6. P. 175-218.
4. Zamjatin D.N. Genij i mesto: uskol'zajushhaja sovmestnost' // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. M.: NIU VShJe, 2013. № 5. P. 154-165.
5. Kazakova G.M. Region kak prostranstvo-vremja identichnosti. Topohron i hronotop regional'noj identichnosti // Kul'tura kul'tury. M.: Izdatel'stvo «Soglasie», 2018. № 1 (17). URL: <http://cult-cult.ru/region-kak-prostranstvo-vremya-identichnosti-topohron-i-hronotop-regionalinoj-id/> (01.09.2020)
6. Lavrenova O. A., Mitin I. I. Topofilija [Materialy k slovarju gumanitarnoj geografii] // Gumanitarnaja geografija: Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah. M.: Institut nasledija, 2007. №4. Pp. 339-342.
7. Nora P. Problematika mest pamjati // Francija-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh. M.: Vinok. SPb.: SPbGU, 1999. 328 p.
8. Ozhe M. Ne-mesta. Vvedenie v antropologiju gipermoderna. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 136 p.
9. Podoroga V.A. Metafizika landshafta: kommunikativnye strategii v filosofskoj kul'ture XIX-XX vv. M.: Nauka, 1993. 317 p.
10. Sologubov A.M. Pereselenc kak Homo scientis: jepistemologičeskij aspekt osvoenija Kaliningradskoj oblasti // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2012. №6. P. 39-46.